

Залим Шибзухов

ИГРА В ЖИЗНЬ

Кто я, когда на меня никто не смотрит?

Залим Шибзухов

Игра в жизнь

«Автор»

2026

Шибзухов З. М.

Игра в жизнь / З. М. Шибзухов — «Автор», 2026

Герои рассказов, живущие в обычном российском городе, обнаруживают, что внутри их, как и в каждом из нас, «сосуществуют» строгий диспетчер, мечтательный искатель и уставший от всего живой человек. Раньше они все время спорили, доказывая, кто из них главный, а теперь им предстоит научиться «договариваться». Это добрые, иногда ироничные истории о том, как перестать играть по чужим навязанным правилам и начать свою собственную, искреннюю и захватывающую жизнь, похожую на увлекательное путешествие.

© Шибзухов З. М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Залим Шибзухов	5
ИГРА В ЖИЗНЬ	6
Глава	7
Полетели	9
Трое в лодке, не считая меня	12
«Что наша жизнь? Игра!»	15
Две грани одного кристалла	18
Свой среди чужих	20
Точка сборки	22
Почерк	24
Несущая стена	26
Симфония	28
Невидимая работа	30
Начну с понедельника	32
Виток спирали	34
Искусство перевода	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Игра в жизнь

Залим Шибзухов

ИГРА В ЖИЗНЬ

Кто я, когда меня никто не видит?

Рассказы

#психологическаяпроза

2026

УДК 2

ББК 87.77

Ш55

Шибзухов Залим Мухадинович

Игра в жизнь: Кто я, когда меня никто не видит? / З.М. Шибзухов. - 2026.

Вы когда-нибудь ловили себя на мысли, что внутри вас будто живут разные люди? Один говорит: «Надо быть серьёзным, ответственным, не подвести». Второй шепчет: «А вот это я делаю для души, даже если глупо». А третий просто устало молчит и хочет, чтобы его оставили в покое хотя бы на час.

Эта книга — о них. О тех троих, что живут в каждом из нас. Строгий Контролер, мечтательный Искатель и просто уставший от всего Живой человек. Раньше они постоянно спорили, доказывая, кто из них главный. А теперь героям коротких рассказов — обычным людям из обычного российского города, — предстоит научиться не спорить и доказывать, а договариваться.

Добрые, иногда ироничные истории о том, как перестать играть по чужим, навязанным правилам и начать свою собственную жизнь. Искреннюю, живую, похожую на увлекательное путешествие.

Эта книга для тех, кто чувствует, что «живёт не свою жизнь». Для тех, кто устал от вечной гонки между «надо» и «должен». Для тех, кто хочет с улыбкой взглянуть на свой внутренний хаос и суметь найти в нём опору. И просто для тех, кто любит лёгкую, умную прозу.

Здесь нет нудных советов, нравочений, сложных психологических терминов, давления и морализаторства.

Здесь есть узнаваемые сцены из жизни, добрый юмор, тёплая ирония и надежда на будущее.

Дизайн обложки выполнен с использованием ИИ

© Залим Мухадинович Шибзухов, 2026

Глава

О чем эта книга?

Самая трудная роль в жизни — играть самого себя, когда зрители вокруг наперебой навязывают свои ожидания.

Мысли взрослого человека похожи на шумный, перебивающий сам себя спор. Если бы вы могли их подслушать, вы услышали бы примерно следующее:

— Надо бежать, уже опаздываешь!

— Но кофе такой вкусный. Всего пять минут.

— Пять минут — это проценты по ипотеке, это недовольный клиент, это ты опять будешь носиться в угаре.

— А может, клиент тоже пьет свой чай и смотрит на птицу за окном?

— Не смеди. Встаем. Идем. Улыбаемся. Мы же взрослые, собранные и ответственные люди.

Поздравляю. Вы только что стали свидетелем самого распространенного и самого скрываемого конфликта на планете. Конфликта между Личностью и Персоной.

Я предлагаю не пугаться. Это состояние такое же естественное, как наличие у вас правой и левой руки. Просто в какой-то момент жизни вы начинаете понимать, что эти две части вас иногда хотят делать совершенно разные вещи.

Повторим тот же диалог, теперь уже в ролях:

— Надо бежать, уже опаздываешь! — торопит Персона, которая строго следит за исполнением наших социальных ролей.

— Но кофе такой вкусный. Всего пять минут, — просит Личность, заботясь о наших внутренних потребностях.

— Пять минут — это проценты по ипотеке, это недовольный клиент, это ты опять будешь носиться в угаре, — взывает Персона к логике и разуму.

— А может, клиент тоже пьет свой чай и смотрит на птицу за окном? — приводит свои доводы Личность, намекая, что клиент — тоже обычный человек со своими потребностями.

— Не смеди. Встаем. Идем. Улыбаемся. Мы же взрослые, собранные и ответственные люди, — Персона берет инициативу в свои руки, заботясь о том, чтобы не пострадала репутация, чтобы не потерять работу, чтобы обеспечить нам уверенность, устойчивость и стабильность.

Личность выражает вас в первозданном виде. Ту часть вас, которая обожает старые анекдоты, петь в душе, радоваться первому снегу, и ненавидит звонки с номеров, принадлежащих нудным знакомым. Эта ваша половина хочет «бросить все и уехать в Урюпинск», в горы, весь день валяться с книжкой или научиться лепить горшки. Эта часть вас точно знает, чего вы хотите, не потому что этого требует начальник или «так поступают настоящие друзья», это престижно или «так хочет мама». Это ваше внутреннее искреннее «Хочу».

Персона — это ваш сформированный годами, воспитанием и обстоятельствами внешний образ. Это вы, как отличный сотрудник, заботливый родитель, надежный друг, ответственный гражданин. Тот, кто вовремя платит по счетам, выбирает подходящую одежду для встречи, умеет поддержать светскую беседу и знает, что «так не принято». Это ваше внутреннее «Должен».

До поры до времени они худо-бедно сосуществуют. Персона управляет календарем, Личность получает сладкие выходные, пижамные вечеринки с подругами или пивные пятницы с друзьями, хобби или бездумный и бесцельный отдых, при котором можно расслабиться, не думая ни о чем.

Потом наступает кризис среднего возраста. У женщин в 35. У мужчин в 40. И жизнь начинает давать сбой.

Личность, долго молчавшая в тени, вдруг начинает стучать кулаком по столу: «И это все?! Расписание, обязанности, одни и те же маршруты? А где я? Где мои горы, смех до слез, «души прекрасные порывы?»»

Персона начинает паниковать и оправдывается вполне стандартно: «Ты с ума сошла? У нас здесь ипотека, карьера, репутация! Что значит, надоело? Все так живут!»

И начинается сначала скрытая, а потом разрушительная «гражданская война». Ее симптомы всем нам хорошо знакомы — немотивированная раздражительность, чувство, что живешь не своей жизнью, внезапная тоска по чему-то неопределенному, странные спонтанные, необъяснимые порывы и флешбэки. Например, вас тянет купить нелепую яркую вещь, позвонить старому другу, с которым не общались десять лет или завести дневник, в котором можно, наконец, быть искренними хотя бы с собой.

Герой или героиня этой истории — каждый из нас. Умный, ироничный, уставший. Логичная, чуть стервозная, вымотанная бытом. Этот герой не спасает мир. Он лишь пытается спасти себя, не разрушая при этом годами налаженную жизнь и благополучие, которого с трудом добивался. Его главное поле битвы — собственное мышление. Его главная задача — заключить перемирие между своей Личностью, которая сохраняет аутентичность, и Персоной, которая помогает адаптироваться и выжить в окружающем обществе. Пускай даже и хрупкое перемирие, которое позволит наладить диалог этих двух — внутреннего «бунтаря» и внутреннего «администратора». И решить, кто и в какой именно ситуации может быть главным. А еще лучше иногда меняться местами и наблюдать друг за другом.

Эта книга — попытка описать смешной, нелепый, трогательный и очень важный процесс выбора. Как судьбоносного жизненного выбора, так и ежедневных маленьких. Надеюсь, читая ее, вы иногда будете кивать сами себе и думать: «О, так это не только у меня одного. Значит, я не схожу с ума. Значит, у меня тоже есть шанс».

Друзья, у всех нас есть надежда впервые за долгое время снова почувствовать на себе дыхание жизни и испытать спасительное чувство собственной полноценности. Пускай иногда выглядя нелепо в глазах окружающих. Но главное — по-настоящему. Как в далеком детстве, наполненном доверием к миру, радостью, беззаботностью, искренностью, непосредственностью и полной уверенностью в себе и своем счастливом будущем.

Итак, полетели!

Полетели

Иногда утром, прежде чем открыть глаза, я успеваю несколько секунд побыть собой. Настоящей. Той, что знает, как пахнет мох в лесу за городом, помнит ощущение из детства от прохладной глины в руках и смех, который рвется из горла, как пузырьки из газировки, без особой на то причины просто потому, что светит солнце и мне это нравится.

Потом я открываю глаза. На прикроватной тумбочке вибрирует телефон. И со мной в кровати просыпается Она.

Мы живем вместе. Нет, не совсем так. Мы существуем в одном теле, деликатно называемом Мариной. Мне 38, я внештатный переводчик, живу в небольшом уютном городе. Мы — это моя Личность и Она. У нее другое имя. Я зову ее «моя Персона». Она надевает модные джинсы вместо любимых потертых спортивных штанов, потому что «вдруг я решу заскочить к подруге». Она улыбается малознакомым соседям в лифте ровно первые три секунды пока мы смотрим друг на друга. Она составляет в уме список продуктов, пока мой внутренний ребенок смотрит на то, как дождь рисует узоры на стекле.

Персона — это мой встроенный менеджер, дипломат и представитель в обществе других людей. Без нее я бы, наверное, проспала все дедлайны, нагрубилла вчера хаму в очереди и потратила последние деньги на ароматические свечи странного цвета вместо того, чтобы оплатить интернет. Она мне нужна как зонтик в дождливую погоду.

Так было не всегда.

Когда-то в самом начале мы были одним целым в том младенце, который тянулся к солнечному зайчику и хохотал от восторга, просто шевеля пальцами ног. У нас не было разделенности. Не было разрыва между «я настоящая» и «мое привычное амплуа». Было чистое, цельное «Хочу!» или «Не хочу!» — искренний плач от голода, спонтанная улыбка маме, неподдельный интерес к миру — все это исходило из одного источника. Из того, что я теперь, уже научившись отделять, называю Личностью.

Помню, как ела летом арбуз. Мне было 4 года. Я вгрызалась всем своим детским лицом в огромную красную дольку, вцепившись в нее обеими загорелыми ручонками. Медовая хрустящая мякоть была такой желанной и приятной, что я, опьяненная этим невероятным удовольствием, не замечала, как сок стекал по щекам прямо на локти, живот и ноги. Моя Персона только-только начинала давать свои первые робкие советы и ее тонкий тихий голосок тонул в океане бескрайней искренности, бурного восторга, необычайной увлеченности и неконтролируемого потока спонтанности и аутентичности...

Потом началось медленное, почти незаметное разделение.

«Мариночка, дай тете ручку», — говорила мама. И я, хотя мне было гораздо интереснее потрогать цветок, училась протягивать ручку незнакомой и неприятной тете. «Не плачь, большие девочки не кричат в магазине», — и я, вся, внутри сжавшись от обиды, училась глотать слезы. «Что надо сказать дяде?» — «Спа-си-бо». Это были первые уроки. Уроки того, как быть удобной, предсказуемой, ожидаемой. Для других. Как ужиться с окружающими.

Так, по кирпичику, рядом с моим настоящим и искренним «я» начала расти моя официальная представительница в окружающем мире людей — моя Персона. Она усваивала правила, нормы и обычаи, запоминала ответные реакции — и свои, и чужие, — училась добиваться своего обходными путями. Она была мне щитом, послем, дипломатом, талантливым менеджером проекта под названием «Жизнь Марины в этом мире людей, вещей и обстоятельств». Без нее я бы не выжила, в привычном для нас смысле этого слова.

Но в какой-то момент мой посол стал вести себя как полновластный правитель с замашками авторитарности, а порой даже диктата. А щит начал напоминать клетку.

Сегодня утром Персона, едва я открыла глаза, уже начала свой привычный ритуал: «Встать. Кофе. Проверить почту. В 11:00 переговоры с клиентом, нужно подготовить цифры. Вечером забежать в супермаркет, купить гречку и...»

Личность, еще сонная и не до конца растворившаяся в дневном свете, вдруг подумала: «А я вот хочу овсянку с клубничным вареньем. И смотреть на дождь. И вообще — не хочу готовить цифры. Хочу читать старую книгу про путешествия на дирижабле».

Персона замерла. Внутри меня повисла пауза, натянутая, как струна.

«Это непродуктивно, — холодно заметила она. — Дирижабли не оплатят тебе ипотеку. А клубничное варенье у тебя закончилось неделю назад».

«Но мы можем его купить, — робко парировала Личность. — По дороге».

«По дороге куда? На переговоры? Ты опоздаешь. Клиент ценит пунктуальность».

«А если я скажу, что у меня сломался интернет?»

«Ты не умеешь врать, у тебя дергается левый глаз, — безжалостно констатировала Персона. — И перестань кусать губу. Это дурная привычка».

Так и живу. Вернее, так мы и живем. Моя Личность, которая хочет летать на дирижаблях и есть варенье ложкой из банки. И моя Персона — строгий пилот, который сверяет маршрут по утвержденной кем-то карте моей жизни, проверяет топливо и вежливо улыбается пассажирам. Мы летим с ней на одном аппарате. И до недавнего времени я думала, что пилот — главный.

Но в последнее время аппарат начало потряхивать. Начались сбои от постоянной смены маршрутов и их многообразия. А Личность — пассажир, которого все это время везли, — вдруг захотела сама взяться за штурвал. Как в старые добрые времена глубокого детства. Взрослая разумная жизнь, которую выстроила Персона, с графиками, обязательствами и обезжиренным творогом на ужин, стала напоминать слегка тесноватый, хоть и качественный деловой костюм. Мне в нем душно. Я заметила, что, когда Персона устает, обычно после восьмичасовой видеоконференции, я начинаю делать странные вещи. Например, заказываю вместо практичных белых рубашек свитер цвета «вырви глаз». Или вдруг начинаю говорить с котом голосом из детской телепередачи. А позавчера... позавчера я купила на барахолке старую книгу про дирижабли.

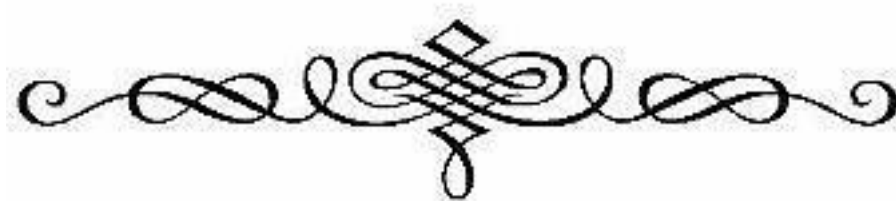
Персона была в ярости: «Бесполезная трата денег и места на полке!»

А я просто смотрела на потрепанный переплет и чувствовала, как внутри что-то тихо и по-детски поет.

Это история о совместном проживании Личности и Персоны. О попытке договориться. О том дожде за окном и варенье, которое все-таки стоит купить. Возможно, нам удастся не сбиться с курса и не разбиться в полете. А возможно, мы в какой-то момент осознаем, что наш дирижабль может лететь совсем не туда, куда указывают карты. И это будет самое страшное и самое захватывающее приключение в моей, то есть в нашей жизни.

Пока же кофе остывает. Дождь стучит. Персона нервно поглядывает на часы.

А я беру ложку и иду на кухню. Вдруг варенье чудом найдется? И вкус у него должен быть очень знакомым, из детства. Таким, каким он был до того, как нас стало двое.

Трое в лодке, не считая меня

В среду, когда сорокалетний Роман понял, что в его голове поселились «жильцы» с разными характерами и амбициями, у него сломалась кофемолка.

Он застыл посреди кухни, зажав в руке рассыпавшийся пластиковый корпус. И тишина после внезапного треска стала настолько гулкой, что в ней отчетливо зазвучали голоса.

Первый, низкий и спокойный, произнес с легкой грустью: «Символично. Механизм, перемалывающий зерна в нечто иное, более утонченное, не выдержал рутины. Может, это знак?» Это был его внутренний Герой. Тот самый, что обожал тишину библиотек, мог часами смотреть на реку, размышляя о вечном, и искренне считал, что главное в жизни — глубина.

Второй голос, быстрый и немного раздраженный, тут же язвительно отрезал: «Это знак, что нужно заказать новую на маркетплейсе с доставкой за два часа. У тебя же в одиннадцать созвон! Ты что, выйдешь на него в этом потрепанном домашнем халате?» Это был его Актер. Идеально подогнанный, слегка поношенный, но презентабельный «костюм-Романа-для-внешнего-мира». Он уверенно ведет переговоры, шутит на корпоративах и может, как Чичиков, поддержать любой разговор — от новых трендов до погоды.

— Да заткнитесь вы оба, — вслух пробормотал Роман, разглядывая осколки. — Кофемолка просто сломалась. От старости.

Но было уже поздно. Занавес в его внутреннем театре поднялся, и действие спектакля продолжилось дальше само по себе.

С недавнего времени у Романа появилось ощущение, что жизнь — это моноспектакль, где он снова и снова, изо дня в день играет одну и ту же пьесу. А где-то за кулисами пылится другой, более интересный сценарий.

Его внутренний Герой тоскует по чему-то настоящему. Мечтает бросить все и уехать писать книгу. Эта идея благополучно висит в воздухе уже пять лет. Хочет научиться играть на скрипке, как Шерлок Холмс, потому что это красиво и романтично, хоть и печально. Герой — это ядро, подлинный Роман, который спрашивает: «А кто я, когда на меня никто не смотрит?»

Актер, — это его ежедневный костюм, он лишь снисходительно хмыкает: «Книгу? Скрипку? Милый мой, у тебя ипотека, кот и необходимость поддерживать репутацию адекватного человека. Твоя задача — быть собранным, приятным и эффективным. Выйди в люди. Улыбнись».

Где-то сверху над этой парой, как строгий, но уставший от их склок арбитр, парит Эго — пульт управления Романом. Оно не мечтает и не притворяется, не подстраивается. Его дело — выживание и эмоциональный баланс. Его девиз всегда прост: «Чтобы всем было более-менее нормально, и чтобы не было потрясений». Именно оно, Эго, заставляет его вставать по утрам, платить по счетам и мирить своих вздорных внутренних соседей — Героя и Актера.

В день поломки кофемолки система управления дала сбой. На созвоне Роман, вместо того чтобы обсуждать ключевые показатели, вдруг задумчиво спросил у коллеги из Нижнего Новгорода: «А ты часто смотришь на Волгу? Она же, наверное, мощная, величественная?» В трубке повисло неловкое молчание. Актер в ужасе схватился за голову, внутренний Герой ликовал.

С этого все и закрутилось. Роман начал вести «двойную бухгалтерию» души. По вечерам, для Героя, он включает диктофон на телефоне и наговаривает отрывки для будущей книги, получаются сумбурные, но искренние монологи о детстве, о запахе мокрого асфальта и о том, почему людей завораживает пламя. Днем Актер надевает галстук и идет вместе с ним на встречи, где Рома — душа компании — мастерски отшучивается от вопросов о личной жизни.

Иногда они сговариваются. Герой, например, обожает старые черно-белые фильмы. Актер понимает, что это может сойти за элитарный вкус. В итоге Роман завел привычку встав-

лять в беседы цитаты из Феллини, что делает его в глазах окружающих загадочным интеллектуалом. Его Эго довольно потирает руки — баланс достигнут, репутация растет, внутренний бунтарь накормлен культурным пайком.

Но оказалось, что гармония была шаткой. Как-то в книжном магазине Герой так вдохновился, что купил самоучитель игры на укулеле (скрипка была слишком сложным запросом даже для него). Дома, пытаясь освоить три боя, Рома поймал на себе взгляд кота Марсика. Двухлетний Марсик — короткошёрстный кот породы «британская золотая шиншилла», который идеально подходит для своего хозяина, красивый, спокойный, ненавязчивый (за исключением того, что надо стоять не менее восьми раз в день возле миски, пока он ест свою «Пурину» с лососем), вальяжный, как взрослый лев, тактильный, добрый и неагрессивный, но побаивается незнакомых людей. В этом взгляде Марсика Роман уловил такой искренний, немой укор, что его Актер вспыхнул от стыда: «Ты же солидный мужчина! Ты сейчас похож на подростка, бьющего по гитаре у костра!» Герой огрызнулся: «Тебе лишь бы было солидно! А мне так скучно!» Запахло гражданской войной.

В пятницу в гостях у подружки Марины речь за чаем зашла о путешествиях. Внутренний актер на автомате начал рассказывать забавную историю из поездки в Грузию (история была правдивой, но приглажено-анекдотической). Все смеялись. И вдруг внутренний Герой, почувствовав фальшь, кольнул Рому под дых. Тот сделал паузу, посмотрел в окно на первый снег, и добавил:

— А знаете, что было самым незабываемым? Не еда и не вино. А то, что я там, в горах, впервые за десять лет... прослезился. Просто от того, что красиво. И мне было не стыдно.

В комнате стихло. Марина перестала помешивать ложечкой чай в чашке. Актер замер в ожидании провала. Марина тихо сказала: «Как я тебя понимаю». И рассказала свою историю про страх и одиночество, которая оказалась настоящей, нелощеной.

В ту ночь, возвращаясь домой, Роман вместе с усталостью почувствовал странную целостность. Да, он — и Герой, который иногда может быть сентиментальным. И Актер, который несет свою роль в мир, чтобы было легче контактировать с другими. И та самая система, которая всеми этим рулит, балансируя на тонкой грани между искренностью и необходимостью.

Они не слились воедино. Спектакль не закончился. Просто Эго внутри нашло первоначальный вариант сценария, где у Героя есть право на живой голос, а у Актера — на ошибки и легкую неидеальность.

Дома он налил себе чаю, кофемолку он так и не купил, привык понемногу к чаю. Достал укулеле. Кот Марсик, кажется, уже смирился. Рома неумело брэнчал и размышлял о том, что, возможно, мирное сосуществование его Героя и Актера — не конечная станция, а, скорее, сам путь. С кувырками, паузами, порой фальшивыми нотами, а порой моментами подлинной и чистой внутренней тишины, ради которых и затевалась вся эта сложная, смешная, совершенно невероятная пьеса жизни.

Глаза Романа слипаются. За окном тихо падает снег, накрывая город, Героя, Актера и все, что между ними, одним общим белым, мягким, молчаливым одеялом.

«Что наша жизнь? Игра!»

У Руслана ощущение, будто он лет сорок не снимает тесный, не по своему размеру пиджак. А сейчас застежка заела, и он заперт внутри собственного несменяемого гардероба.

Сорок. Ровно сорок. Кризис среднего возраста, говорят они. Как будто это что-то объясняет. Просто удобное слово, чтобы описать состояние, когда смотришь на свою жизнь как на аккуратно составленное резюме и понимаешь — ни одна строчка не вызывает дикого, сумасшедшего желания ее повторить.

Сидел он как-то на кухне, пил чай и смотрел, как за окном гаснет небо над кварталами пятиэтажек. И вдруг ясно, как поток ледяной воды, у него в голове прозвучало: «Что наша жизнь? Игра!»

Несмотря на свою избитость, для Руслана фраза прозвучала как озарение.

Тут же, будто щелчок выключателя, отозвался внутри голос внутреннего Руслана. Того, что всегда вежлив, слегка устал и знает, как правильно.

«Ну, Руслан, — проговорил внутренний голос, который он мысленно обозвал когда-то Стратегом. — Опять философия. Завтра совещание у клиента, нужно быть в форме. Игра, конечно, — красивая метафора, но у нас есть правила. Расписание».

Руслан даже вздрогнул от этой четкости. Он-то сам, вернее, настоящее «я», которое он называет Творцом, просто хочет продолжать смотреть на сумерки и чувствовать этот странный восторг.

«А что, если, — осторожно предположил Творец, — игра — это действительно возможность сыграть, пускай и по правилам? С возможностью дописать свои реплики? Свои сцены?»

«Рекомендую не дописывать ничего после десяти вечера, — парировал внутренний Стратег. — Нарушится режим. Утром будет тяжело включиться в рабочий процесс. А процесс — это наша главная задача, если ты не забыл».

Скрытый до сих пор диалог стал более проявленным. Стратег кажется похожим на очень опытного, но слегка занудного администратора театра. Он следит за расписанием, за костюмом — джинсы должны быть опрятными, свитер без катышков, за диалогами — «Здравствуйте, как дела? — Спасибо, нормально». Он виртуозно ведет светские беседы с соседями в лифте и терпеливо выслушивает клиентов.

Творец же — это сумасбродный драматург, который сидит на галерке и шепчет актеру: «А сейчас сорвись с текста! Скажи что-то настоящее! Спой!» Вместо того, чтобы прийти домой и поскорей проверить почту, он хочет свернуть по дороге с работы в старый парк, чтобы провести ладонью по коре дуба. Он взбунтовался против «правильного» черного пальто и заставил Руслана купить ярко-синий шарф, который мог бы стать серьезным конкурентом желтому банту Маяковского. Стратег потом три дня приходила в себя.

Апофеозом стал визит к родителям жены.

За столом, под аккомпанемент звона привезенных еще из ГДР мельхиоровых ложек о чешский фарфор, купленный в свое время по великому благу, теще, человек системы, завел разговор о стабильности. «Жизнь, Руслан, — вещал он, — это проект. Нужен четкий план. Отклонения недопустимы».

Стратег внутри Руслана уже открыл рот, чтобы произнести проверенное: «Абсолютно с Вами согласен, Владимир Михайлович».

Но Творец вдруг кашлянул и решительно вышел на авансцену. Руслан почувствовал, как по спине пробежал легкий, приятный холодок азарта.

«Знаете, Владимир Михайлович, — сказал он, и его собственный голос прозвучал для него одновременно чужим и более живым. — Я тут недавно подумал... А что, если жизнь — это не проект?»

Тесть замер с ложкой борща на полпути.

«А что тогда?» — спросила теща заинтересованно, поглядывая с опаской на мужа.

«Игра, — выпалил Руслан. — Масштабная, многовековая пьеса. Все мы в ней вроде как актеры. Но гениальность в том, что нам не просто назначают роль. Нам тайком подсовывают еще и авторское перо. И разрешают иногда импровизировать. Можно и свою реплику вставить, и сцену переписать, и даже костюм, в конце концов, поменять, если жмет».

Воцарилась тишина. Стратег внутри Руслана в ужасе схватился за голову: «Все! Теперь они решат, что у тебя кризис жанра! Совсем!»

Теща вдруг хихикнула. Потом засмеялась. «Вот и я всегда думала, Володя, что ты играешь роль сурового начальника даже на даче, когда копаешь картошку!»

Тесть смущенно хмыкнул, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на понимание. «Импровизация, говоришь... Ну, это, конечно, риск. План все же надежнее».

Атмосфера изменилась. Разговор свернул на смешные случаи из жизни, на воспоминания, где все они когда-то «импровизировали» — влюблялись, меняли работу, пускались в авантюры, ошибались, попадали в курьезные ситуации. Внутренний Стратег понемногу расслабился, поняв, что перфоманс не провален. Он просто пошел по неожиданному, однако успешному сюжету.

На обратном пути, в машине, воцарился мир. Творец, довольный, наблюдал за уличными огнями. Стратег, сдавшись, составил мысленный список дел на завтра, но уже без привычного давления на свободу Творца.

Руслан начал понимать суть. Не нужно свергать своего внутреннего администратора. Без него будет хаос, вечные опоздания на работу, а на ногах носки разных цветов. И вместе с тем нельзя давать ему полный контроль над репертуаром.

Право на выбор — это и есть то самое авторское перо, которым мастерски владеет наш внутренний Творец. Выбор «помолчать» или «сказать». Выбор «пройтись знакомой дорогой» или «свернуть в переулок». Выбор, как сыграть сегодняшнюю сцену, «на автомате» или «вложив» в нее капельку настоящего себя.

Эта идея не «отдавала» вседозволенностью. Это было настоящее соавторство. Самого себя с самим собой, как бы это непривычно не звучало.

На следующий день на совещании клиент, — вечный брюзга, — начал свою обычную тираду о несовершенстве мира. Стратег приготовился к терпеливому киванию.

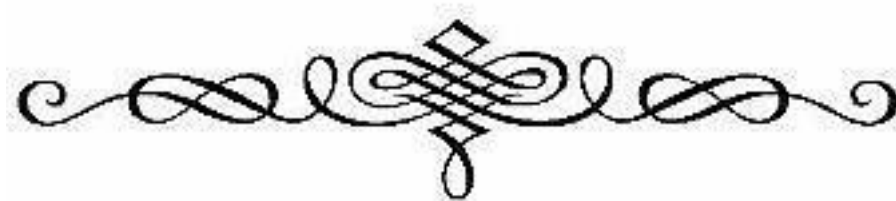
Но Руслан встретил глаза клиента и... улыбнулся. Искренне и слегка смущенно. Вместо дежурной улыбки сотрудника — улыбкой человека, который только что вспомнил что-то хорошее.

«Знаете, — сказал Руслан, перебивая тираду клиента. — Давайте забудем про проблемы и начнем с одной идеи. Может, она нам с вами покажется интересной».

Клиент запнулся, озадаченный резкой сменой «декораций». Но кивнул.

Игра продолжилась. И теперь Руслан знает, что у него в кармане лежит не только пропуск в офис, но и авторское перо. От того, воспользуется он им сегодня или нет, зависит вся его дальнейшая жизнь. Каждый новый выбор меняет ход событий, обстоятельства и сознание.

Может и не вся жизнь. Всего лишь один день. Но именно из них, этих дней-сцен, и состоит весь его спектакль под названием «Моя жизнь».

Две грани одного кристалла

Сегодня у Марьяны самый обычный вечер. Один из тех, что случаются в четверг, когда понимаешь, что завтра пятница, а потом снова понедельник, и так уже лет... ну, много лет.

Марьяша стоит перед зеркалом в прихожей, собираясь в гости к подруге детства Марии. Репетирует про себя дежурные фразы и планирует свое поведение. Как она будет смеяться. Каким тоном говорить о работе. Как отреагирует на историю Марии о проблемах с сыном-подростком. В голове прокручиваются варианты, как кадры из разных фильмов с одним и тем же актером в главной роли.

Она поймала на себе собственный взгляд в зеркале. «С кем я сейчас разговариваю?» — спросила она у своего отражения. Внутри тут же отозвался ясный, теплый голос, который она мысленно называла «Моя Бестия». Это та часть Марьяши, которая любит тишину, старые книги с пожелтевшими страницами и может, ни о чем не думая, часами смотреть, как за окном идет дождь.

«Со мной, — сказала Бестия. — Но ты что-то усложняешь. Это же просто Машка. У нее до сих пор веснушки на лице, и она все так же, как в детстве, заливается смехом даже когда это неуместно».

Тут, подобно второй скрипке, чуть более резкой, вступил другой голос. Это заговорила Кукла, так ее окрестила Марьяша. Она всегда знает, как правильно. И сейчас она аргументировала: «Та, кого ты называешь «просто Машка» сейчас замужем за успешным стоматологом, у них дом в дорогом коттеджном поселке и сын, который собирается поступать в МГИМО. Ее смех может быть неуместным, но ее оценка твоей жизни очень даже уместна. Лучше надеть новые джинсы вместо потертых. И рассказывать про работу стоит с акцентом на свои успехи, не заостряя внимание на бардаке в коллективе».

Марьяша вздохнула. Раньше ей казалось, что она и ее Кукла похожи на костюм и тело. Можно снять и забыть. Но сейчас она понимала, что это уже не костюм. Кукла перестала чем-то отдельным. Она стала порождением ее же самой, — ее страхов, ее опыта, ее ума, который научился выживать в мире неудобных правил., Зацикленная на успех Кукла-умница родилась не на пустом месте. Ее вылепила сама Марьяша, решившая когда-то, что быть сильной и компетентной безопаснее. И так легче продвигаться в жизни.

«Ты — мое творение, — с удивлением подумала она, глядя в глаза своему отражению, где смешивались и неуверенность, и решимость. — Я сама тебя такой придумала».

«Естественно, — сухо ответила Кукла. — Кто же еще? Я твой щит и меч. Если бы не я, ты бы до сих пор краснела, когда к тебе обращается незнакомый человек, и не смогла бы договориться с сантехником».

«А еще благодаря тебе я иногда чувствую себя самозванкой на собственном празднике жизни», — парировала Бестия.

«Зато праздник жизни идет по плану! Аренда оплачена, кредитная история безупречна!» — ответила Кукла.

Марьяша звонко рассмеялась. Этот внутренний диалог не пугал ее. Он напоминал ей спор двух близких и упрямых сестер, каждая из которых по-своему о ней заботится. Одна — оберегая ее внутреннее ядро и ценности, другая — помогая занять свое место в мире.

Она все же решила надеть потертые джинсы, дополнив их красивым ярким свитером из журнала, который ей очень нравился, но повода одеть как-то не представлялось. «Вот и договорились» — подумала она.

Вечер у Маши прошел не по сценарию. Вернее, сценарий рухнул в первую же минуту, когда успешная Маша, расплакалась, рассказывая о своем сыне. «Он говорит, что я всегда играю роль идеальной мамы! Что я не настоящая, как кукла! А ему нужна живая мама!»

Марьяша вместо того, чтобы подбирать «правильные» утешительные слова, просто обняла подругу и, вздохнув, сказала: «А кто из нас настоящий? Вот я, например, собираясь к тебе спорила сама с собой, в чем прийти. Мы все немного актеры, Маш. Главное — не забывать, для кого играешь. Если для себя, то это и есть жизнь. А если только для зрителей... тогда да, пустота».

Маша перестала плакать, уставилась на нее. «Ты всегда умела говорить странные и точные вещи. Спасибо, подруга».

Домой Марьяна пошла пешком. Идя по сонному городу, она думала о том, что ее Кукла — не фальшивка. Скорее, ее же собственное изобретение, которое помогает ей жить с миром в ладу. Она вспомнила, как преподаватель в университете объяснял им, что умение говорить на иностранном языке можно использовать для сухих деловых переговоров, но также, — чтобы прочесть стихи в оригинале и почувствовать их музыку. Язык, вроде, один, а звучание может быть разным.

Постоянное ношение «маски» успешного и собранного человека действительно сделало Марьяну сильнее, организованнее. Это факт! Но эта же маска иногда «давит», вызывая внутренний дискомфорт. Значит, нужно не срывать ее, приговаривая «Я не такая!», а... поправить. Ослабить шнуровку. Придать ей больше своих черт.

Она подошла к своему дому, обычной панельной девятиэтажке. В кармане пальцем нащупала ключ — холодный, привычный металл. И вдруг она подумала — что ключ-то один. Но он открывает общую дверь в ее квартиру, где и тихая, наполненная книгами гостиная, и ее кабинет, и кухня, где она встречает шумных гостей. Это все разные пространства в ее жизни.

«Завтра, — сказала она вслух, обращаясь к обеим своим половинкам сразу, — будет интересный день».

«Списки дел составлены?» — тут же откликнулась Кукла, но уже без прежней тревожной требовательности.

«Будут составлены, — легко пообещала Марьяша. — А завтра в перерыв мы пойдем кормить голубей в парке. Я настаиваю». Внутри воцарилось общее молчаливое, довольное согласие.

Свой среди чужих

У Сергея сбилась, как ему кажется, его внутренняя «настройка». Как у старого аналогового телевизора. Крутишь ручку, ловишь четкую картинку с футболом и смотришь его с друзьями, крутишь чуть левее, поймал документальный фильм или старую комедию из детства, от которой тепло на душе. Но настроить и удержать оба канала разом у него не получается. Но очень хочется.

Он сидит в уютной, слегка хипстерской чайной в центре города, это его новое увлечение. И не дом, где можно спрятаться, и не офис, где нужно кого-то изображать. Нейтральная территория. Место для наблюдения. Прежде всего за собой.

Сегодняшний эксперимент совершенно простой, встретиться взглядом с незнакомым человеком и понаблюдать за своими внутренними ощущениями.

Первая попытка. Взгляд столкнулся с глазами девушки за ноутбуком. Внутри мгновенно, как всплывающее окно на мониторе, возник четкий набор инструкций: «Отвести взгляд вежливо-нейтрально через две секунды, можно с легкой полуулыбкой, чтобы не показаться грубым или, не дай бог, странным». Сергей послушался своего внутреннего голоса. Девушка тоже отвела взгляд. Контакт свершился. И был абсолютно пустым. Ноль информации, ноль ощущения. Как манипуляция робота. Эксперимент не удался.

«Интересно, — подумал Сергей. — А что я на самом деле хотел?» Внутренний голос подсказал: «Рассмотреть цвет ее глаз. Просто из любопытства, чтобы увидеть и понаблюдать».

Второй эксперимент. В чайную зашел знакомый, сосед дядя Володя, вечный брюзга. У Сергея внутри тут же что-то натянулось, как струна. «Сергея, привет! Как дела? — Да нормально, как всегда. — А у нас опять эти управляйцы...» Сценарий ясен как божий день. Сейчас состоится диалог, ставший уже ритуалом и не требующий эмоционального присутствия.

Сергей, готовый уже открыть рот для первой привычной реплики, вдруг сделал паузу. Он буквально физически ощутил внутри два разных рычага. Один наклоняется вперед, лицо готово сложиться в понимающую ухмылку, а язык произнести: «Ага, знаю-знаю, опять эти хамы!» Это тот его рычаг, который срабатывает по привычке.

Второй рычаг где-то глубже. Он тянет назад, к спокойному наблюдению за происходящими событиями. «А ты ведь не хочешь этого разговора, — тихо сказал внутренний голос. — Ты хочешь пить свой пуэр¹ и смотреть, как за окном кружит первый снег. У тебя есть выбор, и ты можешь не играть в эту игру».

Сергей не стал нажимать ни на один рычаг до конца. Он по-доброму улыбнулся дяде Володе и сказал: «Знаете, Владимир Анатольевич, я сегодня немножко выпал из реальности, мысли где-то далеко. Извините, не потяну сейчас такую важную тему. Но чай здесь отличный, рекомендую».

Дядя Володя заморгал, ошарашенный. Привычный сценарий дал сбой. Он пробормотал: «Да-да, я понимаю... тоже бывает...» — и, смущенно поглядывая на Сергея, поспешил к стойке заказать кофе.

Конфликта не произошло, но ситуация напомнила ему воскресную поездку в село к родителям, когда он вдруг свернул с наезженной трассы на другую дорогу. Хотел насладиться другим пейзажем.

Мысль о том, что даже в самых привычных ситуациях возможны разные варианты выбора оказалась самой привлекательной из всех, что посещали его в последнее время. Находиться

¹ Пуэр — разновидность ферментированного чая родом из китайской провинции Юньнань. Получил название в честь одноименного города в этой провинции.

в «плёну» этой мысли было проще, чем пытаться «быть собой», что утомительно и взрывоопасно. Или всегда «быть удобным» — это опустошает душу.

Вечером позвонила сестра. Начала с жалоб на начальника. Раньше он включал отработанный режим «брата-советчика» и предлагал решения. Сейчас он спросил, прислушиваясь к интонации ее голоса: «Света, чего ты на самом деле хочешь? Чтобы я нашел способ уволить твоего начальника, или чтобы просто сейчас послушал и сказал, что он козел?»

В трубке повисло молчание. Потом сестра рассмеялась: «Второе. Однозначно второе. Спасибо тебе, что спросил». Они болтали полчаса, смеялись, что-то вспоминали, обсуждали детей. Первый раз за долгое время они не испытывали напряжения от того, что не знали о чем говорить.

Сергей лег спать с легким ощущением нового себя. Странно, но он не расколот надвое. У него есть два полюса, как у компаса. Один из них, его внутренний Мечтатель, всегда знает, что ему дорого, интересно и по-настоящему трогает душу. Другой — его внутренний Планировщик, целый набор стрелок и карт, которые помогают перемещаться по реальному миру, полному других людей, у каждого из которых свой компас и свои полюса.

Он начал улавливать, что суть состоит в умении Мечтателя сверяться с Планировщиком. Чувствуешь холод, пустоту, фальшь — значит, слишком долго идешь по карте, забыв свериться со своим внутренним компасом. Чувствуешь себя потерянным и уязвимым, вокруг «болото или оживленная трасса», — нужно найти на карте маршрут.

На следующее утро он поймал себя на том, что напевает какую-то дурацкую мелодию, а в его эмоциональном коктейле главным ингредиентом теперь стала радость.

«Ты сегодня в духе», — заметила жена за завтраком.

«Да, — улыбнулся Сергей. — Я сегодня почувствовал себя целостным».

Она не поняла его, но ей понравилась интонация, и кивнула.

В чайной, куда он зашел снова, та самая девушка за ноутбуком вдруг сама встретила с ним взглядом. И на этот раз Сергей не отвел глаза сразу. Он позволил себе смотреть и наблюдать. Глаза у нее были серо-зеленые, как мокрый мох. Он это заметил. И кивнул, как тайный соучастник ее незаметной для других шутки. Она смущенно улыбнулась в ответ и снова уткнулась в экран. Что-то в атмосфере между Сергеем и людьми в чайной изменилось. Она стала теплее и уютнее. А Сергею показалось, что его жизнь становится интереснее.

Точка сборки

Владимир в какой-то момент осознал, что чувство фальши его не обманывает. Это самый что ни на есть точный внутренний маяк. Как боль, которая говорит: «Здесь что-то не так, не нажимай». Только сейчас он думал не о боли в теле, а о целостности.

Сестра привезла ему из отпуска дорожную спортивную сумку. На ней, в самом центре, была вышита огромная, чуть ли не мультяшная розовая рыба. Владимир терпеть не мог розовый цвет. Эта рыба казалась ему воплощенной пошлостью. Но сестра смотрела на него и восторженно тараторила: «Я видела и сразу подумала — это же Вова! Стильно же!»

Внутри него четко разделились два потока.

Поток его внутренней Персоны, которую он шуточно называл «Ум номер раз» был наполнен достаточно прагматичной мыслью: «Прими, поблагодари, похвали вкус. Сестра же хотела как лучше. Надень на лицо умильную улыбку. Сумку потом можно тихо убрать в шкаф. Главное — сохранить отношения и не обидеть».

Поток его Личности — его «Ум номер два» — чуть ли не вскрикивал тихо, но отчаянно: «Нет! Это ужасно! Это не я! Каждый раз, глядя на эту рыбу, ты будешь чувствовать себя идиотом, который носит не свою шкуру. Это маленькое предательство самого себя. Но из таких мелочей и состоит вся жизнь».

Его сознание, наблюдавшее за спором двух умов, пока не вмешивалось, но ясно видело пропасть между ними. Эта пропасть и была фальшью. Внутренний маяк залился красным светом.

Раньше Володя просто послушался бы «Ума номер раз» и натянул улыбку. Держал бы сумку в шкафу, как трофей собственной слабости и неискренности.

Сейчас он сделал паузу. Его сознание из поля боя превратилось в мастерскую. Он представил себя мастером, который смотрит на два разных варианта — на теплое желание не ранить сестру и на холодное, каменное чувство «это — не мое».

— Свет, спасибо, это очень мило, что ты про меня не забываешь, — сказал он медленно, подбирая слова уже не из готового стандартного набора. — Но, честно, розовый и мультяшки — это вообще не моя история. Я, наверное, буду редко ей пользоваться. Давай лучше в субботу сходим в новый бар, ты хотела там что-то попробовать? Вот это будет настоящий подарок, проведем время вместе.

Сестра сначала надулась. Потом увидела его искренний, по-детски чуть виноватый взгляд. Ее привлекло отсутствие фальшивой улыбки, а больше всего — его честность и доверие ей. И махнула рукой: «Ладно, бука. Бар — так бар. А сумку я, пожалуй, маме отдам, она как раз на дачу собирается».

Чувство облегчения было просто ошеломляющим. Маяк погасил красный свет и зажег зеленый. У Володи было стойкое ощущение «своей колеи». Его слова и действия не были ни рабским служением внешним правилам, ни эгоистичным хлопаньем дверью. Они были искусным соединением того, что от него ждали, и того, кто он есть на самом деле в те моменты, когда его никто не видит. Граница между «для них» и «для себя» в этот момент действительно стерлась. Он стал цельным.

Следующая проверка «на вшивость» оказалась сложнее. В том самом баре к ним за столик подсел старый приятель сестры, поэт-неудачник, вечный нытик. Он начал изливать душу, разглагольствуя о непонимании, о тупой публике, о том, как мир скован правилами.

«Ум номер раз» уже приготовил одобрительное кивание: «Да-да, мир жесток к творцам». Это было бы легко и совесть была бы чиста.

«Ум номер два» раздраженно подначивал: «Скажи, что он просто лентяй, который не хочет работать над стихами и искать свой голос, а хочет сразу признания».

И снова Володя ощутил эту щель. Слушать его и кивать — фальшь. Резко высказать свое мнение — грубо и разрушительно для тонкой поэтической натуры. Его сознание принялось за работу и скоро выдало решение.

— Понимаешь, — сказал Володя, делая глоток. — Мне кажется, ты путаешь две вещи. Есть формальные правила — как подать заявку на литературный конкурс, как вести авторский блог. Здесь все, как в инструкции к стиральной машине. Эти правила можно выучить. А есть правила неформальные, внутренние — ритм мысли, честность перед самим собой, творческий труд. Вот с ними и работает поэт. Борьба с инструкцией к стиральной машине по меньшей мере странно. А вот найти свой собственный, единственно верный ритм — это круто, в этом и есть вся магия творческого вдохновения и поэтического таланта. Может, не стоит злиться на «тех, кто не понимает», а прислушаться к внутреннему ритму?

Поэт уставился на него, потом засмеялся: «Черт, Вовка, а ты жесткий». В его взгляде была не обида, а заинтересованность. Дискуссия неожиданно стала содержательной. Сознание Володи ликовало. Оно не выбирало между двумя правдами. Оно сплавило их в третью, новую уважительную и честную. Мышление стало способом примирить мнения, а не оружием войны двух умов.

Идя домой, он понял, что внутренняя гармония — это способность услышать в себе конфликт и, как мастер, соединить несоединимое, создав что-то прочное и настоящее. А чувство фальши — это сигнал, что мысленные модули, лежащие рядом, не стыкуются. Состояние потока — это момент, когда они соединяются в идеальную конструкцию.

Он зашел в квартиру, снял куртку. Взгляд упал на гитару, стоящую в углу. Он давно не брал ее в руки, потому что «нужно серьезно заниматься, а не бренчать». Так все время рассуждал «Ум номер раз». Сейчас было желание просто провести пальцами по струнам, извлечь пару чистых аккордов.

Раньше это противоречие могло парализовать его волю. Сейчас он подошел, взял гитару и, не ожидая внутреннего одобрения, сыграл три аккорда. Звук заполнил пространство между двумя его полюсами, соединив их в простом, ясном моменте «здесь и сейчас».

Это и есть ремесло мастера. Самое важное на свете ремесло быть собой. Не сконструированным кем-то, а собранным собственноручно.

Почерк

Анна затеяла большую уборку. Тотальную, с выгребанием хлама из дальних углов балкона и потаенных ящиков комода. Кризис среднего возраста, который она у себе диагностировала, требовал действий. Мысль «Если не можешь навести порядок в голове, начни со шкафа» казалась ей невероятно здоровой и исцеляющей.

Разбирая завалы, она наткнулась на целый пласт собственной истории, законсервированный в вещах. Вот розовая кофта с помпоном, которую она носила в двадцать два, думая, что выглядит дерзко. Сейчас она вызывала лишь снисходительную улыбку. Вот блокнот с напыщенными, где-то даже пафосными, стихами институтских времен. Футболка с фестиваля, которую она ни за что не надела бы сейчас.

Держа в руках эти артефакты былой юности и непосредственности, она четко поняла, что имел в виду философ, сравнивший Личность с рекой. Она смотрела на эти вещи и не чувствовала, что это носил кто-то чужой ей. Да. Это была она. Только та, давняя Аня. Тот же поток, та же вода — просто тогда река петляла по другим берегам, была бурной, непредсказуемой, готовой к экспериментам. Сейчас она стала глубже, спокойнее, русло сместилось. А вода-то та же, и узнаваемая на вкус.

«Хм, — подумала она, перебирая старые дневники. — Значит, ядро моей Личности — это не какая-то застывшая правда обо мне. Это способ течения моей реки. Манера двигаться по жизни».

Ее нынешняя Персона — деловая, слегка ироничная, собранная женщина — скептически хмыкнула, разглядывая потрепанный блокнот: «И слава богу, что этот способ течения изменился. Иначе до сих пор носила бы эти помпоны и писала витиеватые оды во славу ветра», — сказала она. И язвительно добавила: «...в голове».

«Но желание писать — осталось, — тихо возразил голос внутри. — И любовь к яркому цвету — осталась. Просто теперь ты выбираешь не розовую кофту, а бирюзовый шарфик. И пишешь не оды, а остроумные заметки в свой телеграм. Но почерк... почерк тот же. Размашистый, с тягой к деталям».

«О! Моя Личность — это и есть мой почерк. — подумала Анна. — Узнаваемый, уникальный, развивающийся, но проступающий в любом тексте, написанном твоей рукой. Даже в списке покупок. Даже в СМС-ке».

Она позвонила сестре, чтобы отдать часть вещей. Сестра, глядя на старый свитер, сказала: «О, я помню его! Ты в нем всегда выглядела такой... уютной и уверенной одновременно. Это твоя фишка, кстати».

«Какая?» — не поняла Аня.

«Ну, сочетать несочетаемое. Уют и уверенность. Практичность и какую-то свою, лихую идею. Вот этот твой старый блокнот в кожаном переплете, снаружи солидно, а внутри юношеский бред. Ты всегда такая была».

Аня положила трубку и села на пол посреди разобранного хлама. Сестра, сама того не ведая, указала на «способ течения». Этот принцип — соединять, казалось бы, противоположные берега — проходил через всю ее жизнь. Через выбор профессии, через увлечения, через то, как она обустроивала дом.

Стирались сиюминутные роли. Да. Она уже не студентка, не неопит на первой своей работе, не влюбленная девушка в розовой кофте. Она выбирала эти роли тогда, и отказывается от них сейчас, но внутренний автор один и тот же. Автор, который всегда искал в сценарии смысл и суть, а не просто действие. Для которого был важен не просто диалог, а подтекст, то, что ясно проглядывается между строк.

Она встала, подошла к зеркалу в прихожей, заляпанному наклейками с прошлогодних поездок. Сотрешь наклейки — зеркало останется. Постареешь, пере красишь волосы — изменится отражение в нем. Но зеркало-то то же самое. Оно просто фиксирует процесс.

«Значит, все в порядке, — сказала она своему отражению. — Ты не распадаешься на куски. Ты не обязана быть в двадцать пять как в семнадцать, а в сорок пять — как в тридцать. Ты растешь. Меняешь русло. Но вода — та же. Состав — тот же».

Чувство легкости было поразительным. Стали понятны новые правила игры. Не нужно цепляться за старые берега — русло все равно сместится. Не нужно бояться, что ты «потеряешь себя» — себя-то как раз и не потеряешь, если только не перестанешь течь совсем, не остановишься, не застоишься, не превратишься в болото и не зарастешь тиной.

На следующий день она купила новый блокнот, простой, без кожаного переплета. И записала туда первую за много лет мысль, которая не была строчкой из списка дел. Всего пару строк. О том, как странно и прекрасно осознавать себя участником череды событий.

Почерк, конечно, с годами стал четче и быстрее. Но наклон букв, любовь к длинным тире и едва уловимая артистичность заглавных «А» — все это было тем же самым — подписью внутреннего Автора под текстом собственной, все еще продолжающейся, долгой жизни.

Несущая стена

Денис пришел к выводу, что его жизненная стратегия треснула. Как стена в старом доме, когда начинаешь сверлить в неподходящем месте. Все держится, но вид испорчен, и непонятно, насколько это серьезно и опасно.

Денис затеял ремонт в хрущевке, доставшейся от бабушки. Прораб, веселый мужик в запыленных штанах, ткнул пальцем в план: «Вот тут, Денис Иванович, у нас несущая стена. Ее нельзя трогать. Все остальное – хоть завтра ломай. А эта стена — основная. На ней все держится».

Денис посмотрел на план квартиры, и вдруг увидел план самого себя. Его Персона, которая, собственно, предъявляет его миру – это весь тот ремонт — свежая штукатурка, модный ламинат, умные розетки. Все, что на виду и для людей. А где же его несущая стена, где его Личность? Что вообще в нем «нельзя» ломать, потому что на этом он весь держится?

Вечером за чаем он попробовал поиграть в игру «Убери лишнее». Мысленно стирал одно за другим. Работу можно сменить, круг общения может, и поменяется со временем, привычный маршрут можно поменять. Можно даже убрать некоторые убеждения, которые оказались просто модным трендом. И что тогда останется?

Перед Денисом встали два образа. Первый — он в двенадцать лет, упрямо собирает разваливающуюся модель корабля, хотя все друзья давно ушли гулять. Второй — он в тридцать, спорит до хрипоты с чиновником в городской администрации, отстаивая право соседей на сквер, хотя ему лично это было не очень-то и надо.

Дело было не в кораблях и скверах. В нем просыпалось непрошибаемое упрямство, когда дело касается чего-то такого, что он считал несправедливым или незаконченным.

Вот его фундамент, его главное «нельзя»! Скрытая опора, на которой все держится! Его главный двигатель!

А вот шпильки и купола... Он посмотрел на свои полки. На то, что стояло между книгами. Это закоулки его души. Потертая фарфоровая лягушка – память о первой поездке с той, кого он по-настоящему любит. Неказистый кривой подсвечник, сделанный любимой племянницей. Фотография старого вяза в родной деревне, который уже давно спилили.

Денис подумал о том, что же для него действительно ценно в жизни. О том, что устремлено в небо его личного внутреннего мира. Верность памяти. Бережное отношение к хрупкому и, казалось бы, несовершенному. Неафишируемая преданность местам и людям, которые стали частью его души.

Он вдруг понял, что его Персона – этот успешный, слегка циничный интеллектуал-планировщик – иногда пытается прикрыть эти шпильки более модными, остроконечными крышами. Она твердит, что «ностальгия – это слабость», что «надо быть жестче». И от этого весь его внутренний «собор» кажется неустойчивым, фальшивым. Фундамент-то упрямо требует одного, а наверху красуется другое!

Старый друг позвал Дениса на «проект», сулящий большие деньги. Проект легальный, но сомнительный – создание красивого контента для компании, которая травит реки. Персона тут же включилась: «Опыт, связи, деньги! Да все так делают! Можно же абстрагироваться! В конце концов, это не твоя идея и не твоя ответственность».

Но его Персона всколыхнулась и издала низкий, угрожающий гул. То же самое случилось с ним в двенадцать лет из-за модели корабля и в тридцать – во время спора за сквер. Несправедливо. Фальшиво.

Денис вежливо отказал другу. Друг не понял, обвинил в непрактичности. Персона Дениса хныкала: «Мы же могли купить новую акустику!» Однако внутри было как-то непривычно тихо и комфортно. Как будто после долгой тряски здание наконец встало на прочный, свой

собственный фундамент. «Шпили» упрямой совести больше не кренились, а гордо смотрели в небо.

На следующий день он вернулся к ремонту. Прораб спросил: «С цветом в гостиной определились? Модный сейчас графитовый».

Денис посмотрел на план квартиры, потом в окно на скучный двор, где одна старая яблоня отчаянно и неумолимо цвела среди асфальтовой пустыни.

«Давайте тот, теплый, цвет яичного желтка. Он как солнечный свет».

«Немодно», – пожал плечами прораб.

«Мне нравится», – улыбнулся Денис и поймал непонимающий взгляд прораба.

Денис выбрал цвет для того, кто всегда ценил живое, теплое и не всегда правильное больше, чем все модное и безупречное — его собственного автора жизни, его Личности. Его внутренний архитектурный ансамбль, со всеми скрытыми опорами и устремленными ввысь шпилями, наконец-то обрел основательность и гармонию. И это куда важнее, чем просто модный ремонт.

Симфония

В какой-то момент своей жизни Маргарита с интересом обнаружила, что у нее внутри не совсем бардак, а, скорее, оркестр. Немного разболтанный, без главного дирижера, но все же оркестр. Раньше ей казалось, что ее внутреннее устройство напоминает сплошной набор странностей — врожденная медлительность, любовь к четким правилам, внезапные вспышки упрямства и необъяснимая нежность к старым деревьям. Кажется, это ничем не связанные разрозненные детали ее внутреннего механизма.

Она ехала в троллейбусе №4, который уныло и неторопливо тащился по осеннему городу, завывая мощным электродвигателем. Напротив нее сидела девушка и громко, с раздражением, рассказывала кому-то по телефону, как ее коллега «опять все сделала не по инструкции, просто с ума сойти!» Голос был резкий, рубящий.

Внутри Маргариты вдруг четко и ясно отозвались сразу несколько инструментов.

Сначала загудела ее низкая неторопливая виолончель: «Какая суета. Мир от того, что что-то сделают на час позже, не рухнет». Потом вступила флейта, вечно склонная к порядку: «Интересно, а в чем была суть инструкции? Может, она и правда неоптимальная?» Сразу за ней — упрямый и принципиальный барабан: «Но на людях-то так говорить нельзя. Это неуважение». И поверх всего этого — теплое, тихое звучание нежного альтя: «Бедная девушка, она так раздражена, наверное, просто устала».

Раньше эти голоса спорили, пытались перекричать друг друга, оставляя после себя чувство растерянности: «Кто же я? Медлительная тетка? Педант? Рыцарь? Или просто сентиментальная дура?»

В этот раз Маргарита не стала мучить себя необходимости выбирать. Она позволила им звучать всем вместе. Разом. Одновременно. И получилась... сложная, но цельная музыка. Живая реакция. Ее личная, уникальная мелодия в ответ на раздражение. В ней было и сочувствие, и осуждение, и принятие — все сразу, одно из другого вытекающее и замыкающее друг друга в единый круг.

Она вышла на своей остановке вместе со своим открытием. Все, что она считала своими отдельными чертами, вдруг соединилось в один работающий механизм. Ее врожденная медлительность, являясь частью ее темперамента, не позволяла рубить с плеча. Любовь к порядку заставляла искать систему даже в хаосе. Упрямство охраняло найденные важные принципы и ориентиры. А нежность — камертон, который настраивает все остальное, не давая ей превратиться в холодную, бездушную машину.

Это динамичная экосистема. Как в лесу — падают листья, бегают звери, растет мох — все связано, все влияет на все, и из этого рождается устойчивая, дышащая жизнью реальность.

Вечером позвонила мама: «Маргарита, ты же не забыла, что у дяди Коли в субботу юбилей? Все будет. Ты должна приехать».

Раньше это вызывало внутреннюю бурю — флейта внутреннего порядка твердила про долг, одновременно с этим упрямый внутренний барабан испытывал ужас перед скучным застольем, следом нежный альт наигрывал мелодию чувства вины, а медлительная виолончель твердила про усталость.

Теперь, услышав свой внутренний оркестр, где все звучало в унисон, Маргарита просто сделала паузу. Дала всем инструментам сыграть свою партию. Скоро после этого нашлось решение, которое удовлетворило весь оркестр.

«Мама, я обязательно позвоню дяде Коле сегодня и поздравлю его от всей души, — сказала она мягко, но твердо. — Но на весь день я не приеду. У меня свои планы. Я заскочу на пару часов утром, помогу тебе на кухне, лично вручу подарок и пообщаюсь с ним. Так будет лучше».

Тишина в трубке. Потом мама, удивленно сказала: «Ну... ладно. Так, может, и правда лучше. Только не опаздывай».

Маргарита положила трубку. Никто не был подавлен. Флейта долга сыграла свою партию — позвоню, помогу. Барабан упрямыства отстоял личные границы. Альт нежности утешил маму и дядю Колю. А виолончель медлительности с облегчением выдохнула, что не нужно будет суетиться там целый день. Полная гармония.

Марго подошла к окну. Шел дождь. Система работала, помогая воспринимать происходящее вокруг так, как оно и происходило. Не надо ничего пытаться остановить, чтобы не пропустить что-нибудь важное, и не надо торопиться, чтобы не дай бог не опоздать. Капли красиво стекают по стеклу, на улице сыро, дома «хорошотеплоуютно», можно не торопясь заварить чаю и насладиться его ароматом.

Из набора качеств и характеристик Маргарита превратилась в стройный оркестр, управляемый ей самой и способный на бесконечное разнообразие мелодий в ответ на сложный и противоречивый мир. Это создает незастывший, живой, динамичный, ее собственный способ проживания жизни, позволяющий получать удовольствие от простого «я есть». Ее новая симфония сочиняется и исполняется одновременно всеми ее частями спонтанно, здесь и сейчас.

Невидимая работа

Саша начал открывать для себя странную вещь — шумный мир вокруг мешает «услышать» кто ты есть. И надо, чтобы все вокруг «умолкло». В его случае мир замолчал буквально. Он оказался на двухнедельной удаленке в своей обычной «двушке» на окраине города, сломался лифт и начался внезапный ремонт фасада. Рабочие начинали каждый день ровно в восемь утра и шумели весь день до шести вечера. Бежать было некуда.

Первые дни Саша ходил по квартире, как тигр в клетке. Его привычная Персона — общительный, слегка ироничный, привыкший к фону офисного гула и вечерним посиделкам Реалист — нервно вопрошала: «Что я тут один буду делать? Надо звать людей! Или сходить в кафе!»

Дня через три, случилось нечто странное. Шум ремонта, а вместе с ним и «шум» от внутреннего недовольства, начал стихать. Как будто в бурном ручье неожиданно улеглась муть, и стало видно дно. Дно оказалось его собственной Личностью — Мечтателем, голос которого до сих пор глушила Персона-реалист.

Он заметил, что вместо телефона непроизвольно тянется к старой, потрепанной книге стихов, десять лет пылившейся на полке. Что включает не энергичную музыку для фона во время работы, а тихий джаз, от которого становится тепло и уютно, как зимним снежным вечером у камина. Что в тишине его лицо, — когда никто его не видит, — приобретает вдруг другое, более спокойное беспристрастное выражение.

«Так вот ты какой, когда никто на тебя не смотрит, — подумал он, удивившись самому себе. — Ты не хуже и не лучше. Просто ты другой. Более настоящий и цельный». Он вспомнил, что раньше никак не мог понять, что его знакомые подразумевали под «полноценной личностью».

Внутри будто начало проступать ядро. Живое, как сердцевина дерева.

Саша вспомнил, как в детстве, после шумных школьных дней мог часами сидеть на подоконнике и смотреть на темнеющее небо и вглядываться в вязкие сумерки. Та же тишина. Тот же эмоциональный «рисунок» внутри. Потом он стал взрослым, — окружение изменилось, он оброс обязанностями, ролями, масками, — но ядро-то осталось тем же, оно не меняется! Внутреннее ядро годами было прикрыто многими слоями дел, разговоров. Его внутренний Реалист тщательно следил, чтобы «полуспящая» Личность не мешала ему адаптироваться в мире людей.

Он теперь начал замечать проявления себя истинного в мелочах. В том, как он, уставший и рассеянный, не просто кидает пакетик в кружку, а аккуратно готовит чай в заварнике — это бабушкина привычка, вьедшаяся в его ментальную плоть. В том, как он, разозлившись на медленный интернет, не кричит, а глухо вздыхает и идет чинить уют — это отцовский способ проживать недовольство. В том, какую кружку выбирает с утра — не самую стильную, а ту, что приятно «лежит» в ладони.

Это отпечатки его неповторимого внутреннего узора. Они проявляются именно в тот момент, когда уже нет сил на то, чтобы наводить парадный глянец.

Ночью его разбудил звонок. Друг, немного не в себе, после ссоры с женой, сказал срывающимся голосом, сгущая краски: «Все, я ухожу! Кончено! Теперь точно!»

Александр, сквозь сонную мысленную «муть», услышал, как спокойно и почти монотонно заговорил его внутренний голос: «Сейчас ночь. Ничего сейчас не решай. Ложись спать. Утро вечера мудренее. Поговорим завтра». Вслух он повторил другу то же самое.

К концу второй недели он поймал себя на том, что не хочет, чтобы «шум» вернулся в его жизнь, наполняя ее, как и прежде, ложным смыслом. Не то чтобы он стал отшельником. Он нащупал в себе способность к внутренней тишине, эту узнаваемую форму самого себя, с

которой было удивительно удобно жить. Будто после долгого ношения чужого, модного, но тесного пиджака он наконец надел свой родной, поношенный и идеально сидящий на плечах кардиган.

Лифт починили и фасадные работы закончились. Саша вышел на улицу. Город энергично гремел, увлеченно гудел и восторженно звал. Персона привычно потянулась навстречу знакомой и родной реальности, составляя на ходу список дел и встреч. Жизнь входила в привычное русло.

Осознание того, что теперь у него есть место, куда можно вернуться, если мир снова станет слишком громким и навязчивым, вселяло тепло и спокойную уверенность. Этим местом теперь была его собственная, годами формировавшаяся внутренняя комната. С потрепанной книгой, удобной кружкой и внутренним голосом, который в критическую минуту скажет: «Не спеши. Подожди до утра».

Он до сих пор не ответил на вопрос «кто я?» Но его новая находка вызывает у него чувство, что ответ не будет статичной записью в ежедневнике. Теперь это живой, обладающий глубоким дыханием, захватывающий процесс, чей ритм, наконец, начал проступать сквозь городской шум.

Начну с понедельника

В понедельник Иля, — так называли Илью друзья, — объявил революцию самому себе. С присущим ему интеллектуальным размахом он составил манифест: «С понедельника я — совершенно другой человек!» В манифесте значилось следующее — ранний подъем, холодный душ, бег в соседнем сквере, полный отказ от соцсетей, чтение исключительно литературы из списка ста лучших книг, изучение итальянского по полчаса в день и, ни мало, ни много, — практика осознанности.

В среду революция была подавлена жестоко и беспощадно, что, впрочем, было предсказуемо и успело уже стать до банальности привычным. К семи утра его внутреннее «ядро» взбунтовалось. Оно не желало становиться швейцарскими часами. Даже в обмен на то, что им тоже все станут восхищаться. Оно хотело спать до девяти, не спеша пить кофе, листать ленту с мемами и иногда просто смотреть в потолок². Попытка насильственного внутреннего переворота привела только к чувству вины всю вторую половину недели и вывихнутой лодыжке уже на второй пробежке.

Лежа на диване с пакетом замороженного гороха на щиколотке, Иля испытывал странное облегчение. Да, теперь на время можно все бросить и просто отлежаться. Даже нужно. Это вполне легальный повод ничего не делать и получать от этого удовольствие без капли токсина под названием «чувствовины». Но главное было в том, что провал был не из-за его лени. Скорее, из-за непонимания того, что революция необязательна, и того, что именно надо подвергнуть реконструкции. Он пытался за один день заменить «фундамент, на котором уже стоял его тридцатипятилетний дом со всей своей планировкой, коммуникациями, двойными полами, тайными нишами и привычными тропинками во дворе».

«Ладно, — подумал он, прижимая пакет с горохом к ноге. — Значит, не революция. Значит, нужна реконструкция. С соблюдением «технических норм и без отселения жильца».

Его внутренний «желез» был доволен. Он, в общем-то, не был против улучшений. Оно было против «сноса стен и резкой смены климата».

Иля решил больше не делать резких движений и начать двигаться понемногу. Вместо изучения итальянского просто добавил в плейлист пару итальянских песен и начал иногда смотреть итальянский сериал с русскими субтитрами. Он не стал сразу покупать те самые сто книг, а купил одну и стал читать по десять страниц в день. Бег по утрам он заменил вечерней получасовой прогулкой и был удивлен тому, что это приносило приятное расслабление для уставшего за день тела и новые интересные мысли.

Со стороны это кажется скучным и лишенным героического пафоса. Никаких громких заявлений. Нечем похвалиться перед знакомыми. Однако это работает. Новые привычки не ломают его старую систему, а потихоньку встраиваются в нее, находя точки соприкосновения и роста. Прогулка оказалась удобным временем, чтобы послушать итальянские песни. Десять страниц книги перед сном неожиданно для него самого стали отличной заменой скроллингу ленты новостей. Никакого насилия над собой. Скорее, сотрудничество со своей внутренней системой самонастройки.

Следуя тренду, он начал пробовать стать «более осознанным». Резкие попытки «остановить внутренний диалог» приводили к обратному эффекту, его внутренний «парламент» начал дебаты с тройной силой. Как-то, попивая кофе, он начал перебирать собственные мысли и, засмотревшись на узор, сотворенный бариста в его кофейной чашке, уловил, что не думает, а как-бы наблюдает за мыслями. Они приходили и проплывали, подобно легким перистым обла-

² Кстати, смотреть в потолок — очень полезное занятие. Это способ отдохнуть, расслабиться, сосредоточиться на своих мыслях, найти вдохновение и улучшить способность к саморегуляции.

кам. В этой тишине, лишенной категорий «хорошо» и «плохо», он вдруг уловил под оболочкой своей Персоны ощущение себя настоящего. Не читающего нотации самому себе, а тихо внимающего аромату кофе и наблюдающего, как красиво играют на паркете блики от света лампы.

Год спустя, на встрече с друзьями, кто-то сказал ему: «Ты как-то... спокойнее стал. И увереннее».

«Я перестал планировать «с понедельника» стать кем-то другим, — пожал плечами Иля. — Вместо этого я научился договариваться с тем, кто все время был со мной».

«И как?»

«Медленно. Все воспринимается как-то по-новому. Жизнь становится основательнее. Как будто не перестраиваешь дом, а пристраиваешь к нему веранду. По кирпичику, положил, отошел и посмотрел, потом чуть поправил и прижал несильно. Не спеша, чтобы фундамент выдержал».

Иля не выучил итальянский в совершенстве. Но теперь мог поддержать совсем простой разговор. Он так и не пробежал марафон. Однако теперь он легко и с удовольствием проходил десять километров в день. Иля не стал другим человеком. Он просто стал более цельной версией прежнего себя. Он нашел точку сборки, вокруг которой его Персона теперь уверенно и с пониманием выстраивала свои замки и терема. Архитектура осталась узнаваемой, но в ней появились новые, удобные и красивые пристройки.

Да, штурм самого себя «с понедельника» провалился. Вместо этого он с удовольствием погрузился в долгую, непредсказуемую, но осознанную и уважительную к самому себе эволюцию. Самую интересную, захватывающую и надежную из всех возможных.

Виток спирали

Ирине была уверена, что хорошо себя знает. Думала она так лет до тридцати восьми. А потом в какой-то момент поняла, что знала лишь одну свою сторону, причем застывшую.

Пятилетняя дочь Ксения принесла домой прозрачную пластиковую коробочку с дырочками. Там лежал толстый, неподвижный кокон.

— Это наша Зоя, — торжественно сообщила Ксюша. — Она скоро станет бабочкой. Только не трогай, она сейчас работает.

Вечером Ирина сидела на кухне, пила чай и смотрела на эту «работу». Кокон безмолвно лежал. Но внутри, как она понимала, творилось тихое безумие — одна форма жизни разжижалась, чтобы дать начало другой, непохожей по форме, но той же самой жизни. Ее собственное нутро отозвалось странным сочувственным трепетом. «Знакомое чувство», — подумала она.

Ксюша вспомнила себя в двадцать, яростную, категоричную, одетую во все черное студентку-бунтарку — это куколка «номер раз». Потом вспомнила себя в тридцать — умиротворенную молодую маму, погруженную в пазлы, кашки и сонную негу — куколка «номер два». Обе эти версии не были фальшивыми. Они были настоящими, но... завершенными. Подобно главам книги, которые она прочитала и перевернула страницу. Она переросла их, оставив между строк легкую ностальгию и недоумение: «Неужели это была я?»

А сейчас пришло время для новой куколки. Это подтверждает какое-то беспокойство и чувство, что старая оболочка — привычная роль, маски на лице, набор реакций, даже стиль одежды — стала тесной. Душной. Она вспомнила джинсы, которые вроде бы и сидели на ее бедрах, но дышать в них уже было сложновато, и улыбнулась — в них она походила на неуклюжую балерину в трико.

Ее Персона, — этот отлаженный механизм «ответственной мамы, хорошей подруги и адекватного коллеги», — в панике спрашивала: «Куда ты собралась? Сиди ровно! Все так живут!»

А в глубине души ее Личность уже рисовала эскизы новой авторской обложки для своей непрерывной истории жизни. Личность тихо шептала: «Можно пойти на курсы росписи керамики. Или начать бегать по утрам. Или, наконец, написать в блоге цикл историй, которые вертятся в голове уже годами. Просто так. Хотя бы для того, чтобы увидеть, какие они, эти ее истории».

— Мам, а Зое не страшно? — спросила Ксюша, прилипшая носом к прозрачной стенке коробочки.

— Наверное, страшно, — ответила Ирина и удивилась своей искренности. — Но интересно. Она ведь не умирает. Она просто становится больше себя. У нее появятся крылья.

— Круто! — заключила дочь.

«Круто», — повторила про себя Ирина. И задумалась...

Она начала «работать», как Зоя. Потихоньку. Старая «Ирина» не разрушалась — она перестраивалась. Записалась на вечерние курсы. Персона сначала возмущалась: «Это деньги! Время!» Личность настаивала: «Это для моей новой главы жизни. Для моих крыльев».

Через неделю в коробочке Ксюши появилась бабочка-крапивница. Она сидела, медленно раскрывая и закрывая крылья, пытаясь приноровиться, привыкнуть к новому миру.

— Мам, смотри, она вышла! Та же самая, но другая! — кричала Ксюша, бегая вприпрыжку вокруг коробки.

— Да, — улыбалась Ирина. — Та же самая. Но в своей новой жизни.

Ирина стоит на кухне, держит в руках комок влажной глины, который принесла с мастер-класса по лепке. Комок холодный и податливый. Он пока еще не стал вазой. Не стал чашкой. Он

пока — просто возможность, вариант чего-нибудь. Из него может получиться что-то кривое, неумелое. А может — что-то удивительно свое, оригинальное и необычное.

Ее дочь радуется новой бабочке. Ее муж ворчит, что весь пол в глине. Ее старая «оболочка» зовет назад, в родную тесноту привычной повседневности и рутины.

Ирина смотрит на свои руки в глине. На свои «крылья», которые только учится расправлять. Она не знает, какой будет следующая глава ее жизни. Она знает только, что идет глубоко тихая, чрезвычайно сложная, непрекращающаяся работа по рождению себя заново — это и есть сейчас для нее главное событие и процесс одновременно. Самое интересное начало из всех, что у нее были. Начало новой главы одной и той же, но бесконечно обновляющейся, жизни.

Искусство перевода

Михаил всегда считал свою Персону наглым и бесстыдным предателем. (Странно звучит, не правда ли, разве предатели бывают совестливыми?) Ну, или, на худой конец, продажным менеджером, который прячет свои ценности, пытаясь угодить клиенту. Она говорит «спасибо», хотя не испытывает благодарности, смеется над плоскими шутками начальства и терпеливо выслушивает скучную соседку по лестничной клетке. Он называет это внутренней проституцией. Драматично, но очень честно.

В среду Миша решил не идти в новую модельную библиотеку с новенькими книжками, компьютерами и удобными пространствами, набитыми современной оригинальной мебелью.

Он сидел в старой библиотеке с скрипучим паркетом и запахом пыльной бумаги, где иногда прятался от мира. Миша непроизвольно подслушал разговор двух подростков у стеллажа с фантастикой.

— Чего ты с ней споришь? — говорил один. — Она же вообще не въезжает в тему. Скажи, что все «ок», и все.

— Но это же неправда! — горячо и с неподдельной детской искренностью возражал второй. — Если я не скажу, как на самом деле, то это получается... лицемерие. Я продаю свою душу!

Михаил едва не фыркнул. Узнал себя, подростка двадцатилетней давности. Такой же пафос, такая же черно-белая картина — либо ты кричишь свою правду в лицо миру, либо ты — фальшивка.

Тут его многоопытная и повидавшая жизни Персона, которую он не воспринимал всерьез, тихо «кашлянула». С такой легкой, почти профессиональной усталостью переводчика во время сложных переговоров.

«Позволь, — сказала она. — А давай я тебе кое-что покажу». И в его памяти, как слайды, начали всплывать ситуации.

Картинка первая. Он мягко, но настойчиво убеждает чиновницу в том, что детской площадке во дворе нужен не только новый забор, но и безопасное покрытие. Тогда это был не крик о своей любви к детям. Он говорил на языке, понятном собеседнице — «протоколы безопасности», «риски», «отчетность». И добился-таки своего.

Картинка вторая. Он успокаивает плачущую племянницу, рассказывая дурацкую историю из своего детства вместо того, чтобы читать нотацию о силе духа. Он помогал ей перевести ее боль на понятный ей, житейский язык.

Картинка третья. Он на совещании, где все уже на взводе, находит одно точное, нейтральное слово, которое снимает напряжение и позволяет начать диалог. Не рубит правду-матку, а подбирает ключ.

«Видишь? — спросила Персона беззлобно. — Я не предатель и не враг тебе. Я твой личный синхронизатор. Переводчик с внутреннего языка твоих принципов, твоей боли, твоей нежности на внешние языки — бюрократический, человеческий, деловой. Без меня твое прекрасное, сложное и глубокое «Я» так и осталось бы криком в пустой комнате. Я не скрываю твое лицо под маской неискренности. Я даю Личности голос, который услышат и поймут другие».

Михаил остановился, замерев между стеллажами, и чуть ли не слышал, как в голове у него что-то щелкает. Помните тот звонкий щелчок замка на старом потертом серо-коричневом дедушкином чемодане с металлическими треугольниками на углах, который наконец-то поддался? Оказывается он не носил маску. Все это время он овладевал инструментом, искусным, тонким, годами его оттачивая.

Михаил подошел к подросткам.

— Извините, что вмешиваюсь, — сказал он. Его Персона автоматически настроила голос на доброжелательно-нейтральный, не взрослый-нотационный тон. — Я случайно услышал. Вы знаете, в чем разница между предательством и переводом?

Те удивленно посмотрели на него.

— Предатель скрывает правду. А переводчик находит для нее такие слова, чтобы ее поняли. Иногда нужно сменить не смысл, а... интонацию. Чтобы донести суть. Это хороший навык. И это очень по-взрослому.

Он не стал ждать ответа, кивнул и пошел к выходу. Миша почувствовал странную благодарность к той части себя, которая научилась перекидывать мосты, к «авангарду», бережно разведывающему обстановку в мире, прежде чем выпускать туда уязвимую Личность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.